

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

ВАЛЕРИЙ БОЛЬШАКОВ

ЦЕЛИТЕЛЬ

Союз нерушимый?

МОСКВА
2020

ЯУЗА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б79

Разработка серии *С. Курбатова*

Художник *Игорь Варавин*

Большаков, Валерий.

Б79 Целитель. Союз нерушимый? / Валерий Большаков. — Москва : Эксмо : Яуза, 2020. — 320 с. — (Героическая фантастика).

ISBN 978-5-04-109940-4

Продолжение романа «Целитель. Спасти СССР!».

Инженер-программист Михаил Гарин дожил до шестидесяти лет, стал дедом – и «попал»! Ему снова шестнадцать, а на дворе – 1975 год. Можно вволю объедаться натуральными продуктами, поражать знаниями учителей и целоваться с юными одноклассницами. Но у Миши есть план – он должен спасти СССР, больше никому!

У него нет с собой ноутбука, чтобы показать товарищу Брежневу, что станет с Советским Союзом, но есть феноменальная память! И... таинственный дар исцелять, добиваясь выздоровления там, где медицина бессильна.

Хватит ли этого, чтобы вытащить страну из глубокой ямы застоя, уберечь от распада, от «бандитских девяностых», снова сделать Союз лидером мирового технического прогресса?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109940-4

© Большаков В.П., 2020
© ООО «Издательство «Яуза», 2020
© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Новый год — это быстрый промельк. Сверкнет риска циферблата, стрелки сойдутся ножницами на двенадцати, отсекая старый год, — и первые секунды семьдесят пятого запульсируют в сердечном биении.

Заняв полдивана, я расслабленно улыбался, следя за праздничной суетой. Верхний свет в зале приглушен — пусть ярче сияют фонарики на елке, роняя дрожачие блики на дутые шары, на стеклянные гирлянды, на мерцающий «дождик». По потолку бродят разноцветные сполохи, колючую верхушку венчает сияние рубиновой звезды, а по углам шушукуются тени, выставляя напоказ волшебство и тайну.

Самый воздух пропитался новогодней ночью — веяло хвоей, мандаринами, чуть-чуть припахивало острым дымком бенгальских свечей. Конфетти из отстрелянных хлопушек пестрело повсюду, добавляя празднеству нотку озорной бесшабашности.

Родители рано вернулись с работы, но от коллектива не отрывались, успели-таки со всеми «отметить». Взгляды у обоих замаслились, папа жарко убеждал маму, что кокетливый передничек очень идет к ее вечернему платью, и лез целоваться, а та уверты-

валась, смеялась или делала большие глаза — ну не при детях же!

Мне было хорошо в эту сказочную зимнюю ночь, словно я оставил в семьдесят четвертом все свои страхи и беспокойства. Душа, заново проигрывая былые детские ожидания, заряжалась надеждой. От высверков елочных игрушек крепла робкая вера, а где-то на смутных горизонтах сознания как будто развиднелось — занималась любовь, пока еще безымянная, но влекущая до озноба.

Настя приоткрыла дверь на балкон, чтобы впустить свежий воздух, и в морозной темноте затлели два зеленых фосфорических кругляша. Коротко мякнув, соседский кот метнулся в тепло полосатой молнией. Распушив холодную шерстку, пропахший снегом котяра запрыгнул ко мне на диван. Бухнулся рядом и басисто замурчал. Сестренка подседа с другого боку, не решаясь прильнуть. Тогда я сам обнял ее и повлек к себе. «Киска ты моя маленькая!» — подумал ласково, вспоминая внучку — я ее так называл, когда она не шлодила. Настя повозилась, прижимаясь теснее, и затихла.

В эти долгие, утекающие минуты кануна я жил ощущениями, отложив мысли на потом, как тот скряга, что устает перебирать золотишко и усаживается в резное кресло перед камином. Нелюдимый, крючконосый, с длинными седыми волосами, он бездумно глядит на извивы пламени, на теплые тени, перебегающие по стенам. В его темных, глубоко запавших глазах отражается огонь, а он прихлебывает из кубка пахучий глинтвейн, приятно мутящий рас-судок, да крикает в доволе.

ЦЕЛИТЕЛЬ. СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ?

Порой я сам себе напоминаю такого вот скупца, что носится со своим драгоценным послезнанием как дурак с писаной торбой...

«Кабачок “13 стульев”» закончился, когда семейство Гариных дружно провожало год уходящий, а ровно за пять минут до полуночи к нам обратился Брежнев: «Дорогие соотечественники! Дорогие товарищи и друзья! Идут последние минуты тысяча девятьсот семьдесят четвертого года...»

Папа быстренько открыл шампанское, нам с Настей плеснули ситро, и мы, стоя, с радостным нетерпением внимали генсеку.

«С Новым годом, с новым счастьем, дорогие товарищи!»

Торжественно, с отяжечкой, с набатным отгулом ударили куранты. Вчетвером повели мы счет размеренному бою — и вот сошлись бокалы! Тринадцатым ударом поплыл колкий хрустальный звон. Защипали язык, лопааясь на губах, сладенькие пузырьки.

«С Новым годом!»

Начался «Голубой огонек», но спокойно досмотреть, как Авдотья Никитична визгливо смеется над жеманной Вероникой Маврикиевной, не удалось — весь подъезд гудел от топота и радостного ора. Люди сновали с этажа на этаж, делясь закусками, выпивкой и настроением. Ага, вот и от нашей двери понеслись заполошные звонки — соседи пришли поздравлять. Ворвались хохочущей, хмельной толпой, и сразу стало тесно, жарко, шумно, весело...

...Утром 1-го января в городе стояла тишина — народ отсыпался. Кто не на смене, у тех выходной, а завтра на работу. Одинокий ветерок завивал позем-

ку, мешая снег с конфетти, катал со скуки бумажные стаканчики, пугал ленточки серпантина.

Тусклая серая заря бесцеремонно забралась ко мне в комнату, высвечивая малогабаритное помещение. Под напором грубой яви, данной в ощущениях, истаяли лукавые тени.

«Ну и пусть, подумаешь! — думал я, ворочаясь в теплой постели. — Что мне какой-то Новый год — я жизнь проживаю заново! Сяду сегодня в скорый Одесса — Москва... с романтическим названием «Белая акация»... — Я растягивал мысль, предвкушая утеху движения, отраду долгого пути. — И уже завтра сойду на Киевском вокзале!»

...А послезавтра все мои тревоги вернулись ко мне, вселились в голову заново, как пчелы слетаются в улей, и отняли покой.

Глава 1

**Пятница, 3 января 1975 года, ближе к вечеру
Москва, Москворецкая набережная**

немного тяжеловесная, зато основательная, гостиница «Россия» широко и вольно раскинулась на берегу Москвы-реки. Устремляя к небесной хмари Северную башню, она высилась, подобно новомодному замку, к стенам которого жалась ветхая старина Зарядья.

На заднем плане каменели стены Кремля, к гостиничному фасаду лепилась крохотная церквушка с шапками искрящегося снега на куполках... Картинка!

— Мой номер где-то во-он там, на четвертом этаже, — я некультурно показал пальцем.

Сощурившись, Марина оглядела громадное здание, склонив голову к плечу. Черный локон выбился из-под шапочки и щекотал девичью щечку, из-за чего «скво» забавно морщилась.

— Хорошо устроился! — улыбнулась она, поиграв ямочками на щечках.

— Да уж... — вздохнул я, косясь на девушку.

Опять у меня настроение испортилось. Исаева выглядела просто великолепно. Стройная, длинноногая, она не шла, а дефилировала в манере кинодивы на красной дорожке в Каннах.

Я затрудненно вздохнул. Девушка шагала бок о бок, держа меня под руку, ее модная дубленка и моя куртка шуршали, касаясь полами. Сарказм судьбы!

Мне, «настоящему» Михаилу Петровичу Гарину, пошел шестьдесят первый год, а моему реципиенту — шестнадцать с копейками. И старому, и малому нечего было даже думать о Марине — для Михаила Петровича она слишком уж молода, а для юного Миши — в точности наоборот. Марина Теодоровна старше его на целых семь лет! Для подростка это чуть ли не геологическая эпоха... «Печален ты, отроческий удел!»

Словно вызнав мои унылые раздумья, «скво» прижалась крепче.

— Куда, интересно, Ершов пропал? — озвучила она свои переживания. — И что, вообще, будет? Если он расскажет обо всем...

Не договорив, девушка вздохнула и зябко поежилась. Я покосился на ее распахнутую шубку, открывавшую свитерок с люрексом и длинный вязаный шарф. Да нет, Марине не холодно — ветер стих, а солнце, хоть и садится, все равно чуток пригревает, даже с земли засвечивает, отражаясь от чистеньких сугробов, белеющих впросинь.

— Волнуешься? — проворчал я.

— Нервничаю, — уточнила «скво». — Когда ты его... мм... оперировал, меня всю колотило — Ершов стал совсем-совсем другим...

Теперь уж мне впору ежитья. Утренняя «операция на сознании» до сих пор не отпускала меня, держалась как стойкое наваждение. Первый раз в жизни я лечил не телесную хворь, а душевную — «ампути-

ровал» избыток эгоизма, «реанимировал» совесть, «санировал» чувство долга. Стоит мне зажмуриться — и перед глазами то мерцает, то меркнет запутанная, чудовищной сложности трехмерная паутина — нейронные связи в мозгу Ершова. И надо было очень точно, очень осторожно направлять руками мою, никому не понятную энергию, фокусировать ее, истончая в игольчатый лучик... А у меня ладони потели от страха!

Там ведь все такое мелкое, мельчайшее, микроскопическое! Ошибешься на миллиметр — и необратимо изменишь личность... искалечишь... превратишь в овощ... погубишь...

Тут меня будто морозцем протянуло.

«А ведь Марина тогда рядом была... — мелькает в голове. Я бросил взгляд на гордый профиль спутницы и потупился. — Сидела и лупала глазами, пока я смердевшее козлище в образе Гришки Ершова кротким агнцем делал... И каково ей теперь? Шагать под ручку с милашкой Волдемортом!»

— Не стоило мне заниматься Ершовым при тебе, — проямлил я. — Просто цейтнот полный случился, надо было успеть, пока он в отключке валялся...

— Все ты правильно сделал! — убежденно сказала Марина. — Так и надо было! — Она обняла мою руку, легонько повисая. — А-а... — протянула девушка ласково, заглядывая мне в лицо. — Я поняла! Думаешь, я теперь бояться тебя стану? Нетушки!

— Не забоишься? — улыбнулся я, не столько с облегчением, сколько испытывая радость понимания.

— Ни за что! Так нам не надо опасаться Ершова?

«Нам! — подумал я с нежностью. — Ох, Маринка, как же легко с тобою заработать «сердечный укол»...»

— Не знаю, — сказал честно. — Вроде бы не надо, но... Давай лучше подождем, когда он объявится?

— Давай! — легко согласилась «скво». — Ой, а мы же еще на Красной площади не были! Потопали?

— Потопали! — ответил я, чуя, как теплеет на душе, словно от хорошей порции коньяка.

Мы поднялись к храму Василия Блаженного, похожему на пышный торт, и по дороге даже словом не перемолвились. Просто шли рядом, никуда не торопясь, и молчали. И нам было хорошо.

Мне пришло в голову, что в безгласности нашей крылся невинный умысел — мы оба, не сговариваясь, отдаляли момент истины, берегли всю ту недосказанность, от которой происходят туманные надежды.

Пока не заданы вопросы и не получены ответы, ты находишься в счастливом неведении, волен мечтать или даже строить планы. Но, как только наступает определенность в отношениях, вся романтика испаряется, как роса на солнцепеке. Вот я и соблюдал режим тишины. Первой его нарушила Марина.

— Ни Лондону, ни Парижу с Вашингтоном даже не снился такой державный вид, сдержанно-горделивый и величавый, — проговорила она доверительно, оборачиваясь к Кремлю. — Правда?

— Правда, — кивнул я, охватывая зрением и Спаскую башню, и Мавзолей, и купол, над которым полоскал алый стяг.

Я даже вздохнул от тайного удовольствия. Жаль, что всю ту приятность, что я испытывал, гуляя по

Москве, Марина была не в силах ощутить. Она жила здесь, в этом прекрасном городе, и даже представить себе не могла, до чего испакостят столицу нашей Родины двадцать лет спустя.

Так и тянет глаголить в манере библейского пророка: «И оболганы будут герои истинные, а изменники да клеветники восславлены; и станет единое не целым, и малое посягнет на великое; и призовут бесов, и почнут нечестивые чад наших научать, что долг есть бремя, а корысть выше правды...»

Но о том, что пророчество сие сбудется, известно лишь одному человеку — мне, а для прочих грядущее скрыто феерическим маревом. Здесь о «прекрасном далёко» мечтают, сочиняют хорошие книги, с их страниц отправляются в бесконечность звездолеты, приурочивая свой старт к столетию Великого Октября... Вот, пусть всё так и останется!

А мне надо как-то исхитриться, да хоть наизнанку вывернуться, лишь бы спасти Советский Союз от поругания, не отдать народное хозяйство на поток и разграбление помещикам с капиталистами!

Я брезгливо передернул плечами, словно что-то гадостное, липкое и смердящее натекло из будущего.

— Замерз? — спросила Марина заботливо. — Пошли быстрее, согреемся!

Мы зашагали шустрее, сворачивая на улицу 25 Октября, а вокруг поспешали такие же, как мы, граждане СССР, торопясь с работы домой, — озабоченные или благодушные, с солидными министерскими портфелями или с авоськами, оттянутыми молочными тетраэдрами, кульками с сосисками, румяными нарезными батонами...

Москва радовала меня возвращением бывшего, не порушенного под улюлюканье «вечных двух процентов дерьма».

— Мне пора, Миша, — неожиданно молвила Марина. В ее голосе прозвучали сожаление и виноватость.

— Куда это? — не понял я, выпутываясь из тенет размышлений. — Домой?

— На работу, — кривовато усмехнулась девушка, — Росите пора на службу. Кончился мой куцый отпуск...

— Меня ловить будешь? — ляпнул я.

— Ага... — вздохнула Росита.

— Бедненькая... — пробормотал я, ощущая в Марине легкую подавленность. — Представляю, как тебе трудно бывает...

— Да ладно! — беззаботно махнула рукой эта притвора и делано всполошилась: — Слу-ушай, чуть не забыла! Надо же как-то условиться насчет связи!

— Надо, — согласился я, прикидывая, как мне развеселить девушку. — Давай так: если мне приспичит срочно увидеться, то позвоню и скажу... — я заговорил дребезжащим старушечьим голосом: — Доченька, это собес?

«Скво» рассмеялась.

— Так похоже! А номер ты помнишь?

— Я ничего не забываю.

Сторонясь прохожих, мы обговорили все детали — и затихли, переживая томительную паузу. Когда наши взгляды сошлись, как метки в коллиматорном прицеле, я первым потянулся к Марине. Она была

чуть выше ростом, да еще в сапожках на каблуках, поэтому склонила голову, чтобы поцеловать меня — и долго не отрывала губ.

— Пока, Мишечка! — чуть задыхаясь, Росита отступила, вскидывая руку и перебирая пальчиками в жесте прощания. Улыбнулась, затушевывая непокой в глазах, и поспешила к метро.

— Пока, — обронил я, провожая глазами гибкую фигурку.

А пульс-то частит... Да это ерунда, выбрыки растущего организма. Главное, чтобы у Маринки все хорошо было, а то погонят из КГБ, невзирая на заслуги, еще и «аморалку» к делу подошьют, за наш с нею запретный «роман»...

Шагая будто по инерции, я вышел к площади Дзержинского. Рассеянно оглядел здание КГБ, пока еще асимметричное¹, и порадовался, что «Железный Феликс» на своем законном месте — стоит в гордом одиночестве посреди площади, как ось колеса, закручивая вокруг себя поток машин. Я даже остановился на минутку, словно наглядеться не мог на творение Вучетича, которое всего семнадцать лет спустя «декоммунизируют» либералишки из «Мемориала», достойные представители цивилизованного варварства.

Семнадцать лет... Так мало!

«Вот тебе и срок для истинной перестройки, — внушил я себе, задавливая амурные бредни. — Надо будет управиться за три пятилетки, иначе «креативное быдло», все эти холопы-добровольцы, снова

¹ Реконструкция начнется лишь в 1983 году.